

ЮРИЙ ЗОБНИН

НИКОЛАЙ
ГУМИЛЕВ

СЛОВО
И
ДЕЛО

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1.09 Гумилев Н. С.
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
З-78

130 лет великому Поэту Серебряного века

Разработка серийного оформления
С. Курбатова

Зобнин, Юрий Владимирович.

З-78 Николай Гумилев. Слово и Дело / Юрий Зобнин. — Москва : Издательство «Э» : Яуза, 2016. — 640 с. — (Памяти Николая Гумилева. 130 лет великому Поэту).

ISBN 978-5-699-87448-4

К 130-летию Николая Гумилева. Творческая биография Поэта с большой буквы, одного из величайших творцов Серебряного века, чье место в Пантеоне русской словесности рядом с Пушкиным, Лермонтовым, Тютчевым, Блоком, Ахматовой.

«Словом останавливали Солнце, / Словом разрушали города...» — писал Гумилев в своем программном стихотворении. И всю жизнь доказывал свои слова Делом.

Русский «конкистадор», бесстрашный путешественник, первопроходец, офицер-фронтовик, Георгиевский кавалер, приговоренный к расстрелу за участие в антибольшевистском заговоре и не дрогнувший перед лицом смерти, — Николай Гумилев стал мучеником Русской Правды, легендой Русской Словесности, иконой Русской Поэзии.

Эта книга — полное жизнеописание гениального поэта, лучшую эпитафию которому оставил Владимир Набоков:

«Гордо и ясно ты умер — умер, как Муза учила.

Ныне, в тиши Елисейской, с тобой говорит о летящем

Медном Петре и о диких ветрах африканских — Пушкин».

УДК 821.161.1.09 Гумилев Н.С.

ББК 83.3(2Рос=Рус)6

© Зобнин Ю.В., 2016

© ООО «Издательство «Яуза», 2016

© ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-87448-4

Светлой памяти Елены Алексеевны Зобниной

Империя, ты выйдешь из огня
очищенной и преображенной.
И в Царстве Божием, тобою обретенном,
ты не забудь, Империя, меня!

Юрий Макусинский

Пролог

В ночь со 2 на 3 апреля 1886 года в Кронштадте, в доме Григорьевой по Екатерининской улице, жена старшего врача 6-го флотского экипажа Степана Яковлевича Гумилева Анна Ивановна родила мальчика. Страшная буря над Финским заливом ветхозаветными огненными сполохами озаряла в эту ночь Кронштадтскую крепость, и повивальная бабка, принимавшая трудные роды, едва расслышав из-за громовых раскатов писк младенца, устало изрекла:

— *Ну и бурная жизнь будет у этого парня!*

Отец новорожденного принимал поздравленья. Матерые товарищи по былым походам посмеивались — крепок же балтийский морской волк, устроивший себе такой роскошный подарок к грядущему полувековому юбилею. Но мичманá и даже лейтенанты приветствовали счастливого родителя с почтительной торжественностью. В глазах молодежи этот ветеран с его сединами, роскошными бакенбардами с подусниками, легкой хромотой, пронзительным холодным взглядом и упрямым породистым подбородком, как и многие прежние соратники ушедшего в 1881-м на покой генерал-адмирала Константина Николаевича, уже превращался в живую легенду.

Шептались даже, что никакой он не «Гумилев», а *Рюрикович*, потомок неких тверских или владимирских княжичей, сокрушенных в старину победительной Москвой и приговоренных носить во все времена это прозвище, как стальное, неподвижное забрало на лице — то ли «*усмирённые*», то ли «*вотпанные в грязь*»¹. Путь-де в светскую жизнь был им заказан: мужское потомство *Гумилевых* следовало только по духовной

¹ Латинское *humilis* (от *humus* — «почвенная грязь») имеет значения «смирённый», «незначительный», «презрённый», «покорный».

стеze и через несколько поколений утратило память о прежнем величии. К своей сказочной генеалогии Степан Яковлевич был, по-видимому, равнодушен и вполне доволен собственным честно выслуженным дворянством, но среди домашних о семейной легенде иногда вспоминал:

Не пойму, человек или лебедь,
Лебедь с сердцем проколотым я¹.

К тому же обозримые предки Степана Яковлевича, действительно, предстояли у престолов храмов, только он, взбунтовавшись, не принял по завершении семинарского курса духовный сан и отправился учиться на врача в Московский университет².

¹ Не только герой пьесы «Гондла», которому принадлежат эти слова, но и Имр из трагедии «Отравленная туника» являются позабытыми, лишенными прав на трон царевичами. В лирике Гумилева часто встречаются намеки на тайну происхождения, связанную со «шведской», «скандинавской» генеалогией, которые истолковываются как указания на «рюриковскую кровь» в жилах автора, «заблудившегося навеки» «в слепых переходах пространств и времен» («Стокгольм»). «Он был, — свидетельствовал о Гумилеве писатель-переводчик И. фон Гюнтер, — убежденным монархистом. Мы часто спорили с ним; я мог еще верить, пожалуй, в просвещенный абсолютизм, но уж никак не в наследственную монархию. Гумилев же стоял за нее, но я и сегодня не мог бы сказать, действительно ли был он сторонником дома Романовых? Может быть, скорее сторонником Рюриковичей, им самим созданного дома Рюриковых». Легенду знал и Л. Н. Гумилев, но крайне резко обрывал любые разговоры об этом: в СССР такая наследственность могла стать дополнительным поводом для гонений.

² Отец С. Я. Гумилева *Яков Федотович Панов* (1790–1858) был псаломщиком церкви Рождества Христова села Желудева Спасского уезда Рязанской губернии. Он женился на *Матрене Григорьевне Гумилевой* (1800–1865), дочери настоятеля храма *Григория Прокопьевича Гумилева* (1745–1820). Непременным условием брака была **смена фамилии не невестой, а женихом** — для того времени история невероятная, тем более в духовной среде. Это вновь подтверждает какое-то особое значение, связанное с родовым прозвищем. Яков Федотович Панов превратился в *Якова Федотовича Гумилева*, стал диаконом и прижил в браке семерых детей — *Василия* (1820–?), *Александра* (1823–?), *Прасковью* (1827–?), *Николая* (1830–?), *Александру* (1834–?), *Степана* (1836–1910) и *Пелагею* (1842–?). Все потомство Я. Ф. Гумилева мужского пола получало духовное образование и предуготовлялось к принятию сана, а дочери вышли замуж за духовных лиц. «Храм Гумилевых» под Рязанью сохранился до наших дней. Каменная Христорождественская церковь с колокольной начала возводиться в 1811 году по инициативе желудевского помещика генерал-лейтенанта П. М. Лунина. Завершилось ее строительство только в 1830 году. В храме был главный престол — во имя Рож-

Не унывал, был весел, добродушен, благочестив и, не чувствуя в себе расположения к духовной службе, истово верил, что Господь, конечно, не оставит его попечением и на службе гражданской. Он жил уроками и так ловко экономил, что даже сумел ежемесячно выкраивать из своих приработков некоторую сумму для овдовевшей матушки. Когда же представился случай применить себя на военно-морском поприще, Степан Яковлевич возликовал. Отгремевшая Крымская война оказалась для российского флота преображающим горнилом: величавые парусные армады бестрепетно испепелились в жестоком военном пламени, чтобы спустя малое время, как легендарный Феникс, возродиться в быстроходных винтовых фрегатах, миноносных катерах и броненосцах. В российском мореплавании наступил звездный час для молодых энтузиастов, горячих патриотов, азартных честолюбцев — каким был и сам знаменитый генерал-адмирал, великий князь Константин Николаевич, любимый брат императора Александра II¹.

Таким был и Степан Яковлевич Гумилев, быстро поднявшийся от ординатора в Кронштадтском госпитале до судового врача. Он начал кампанией во внутренних водах на деревянном «Николае I», одном из ранних опытных гибридов линейного парусника с пароходом, а всего через пять лет уже освоил новейший винтовой фрегат «Пересвет», совершивший летом

дства Христова — и четыре придела: во имя Смоленской иконы Божией Матери, святой мученицы Параскевы, святого Петра митрополита Московского и святой великомученицы Екатерины. При храме работали церковно-приходские школы в Желудево и близлежащей деревне Авдотинке.

¹ Выдающийся политический и общественный реформатор, великий князь *Константин Николаевич* (1827–1892) главным делом своей жизни почитал возрождение российского военного флота, разрушенного несчастной для России Крымской войной 1853–1855 гг. Получив в четырехлетнем возрасте декоративное звание «генерал-адмирала», Константин Николаевич своей дальнейшей жизнью полностью оправдал его и стал величайшим после Петра Великого строителем военно-морских сил Российской Империи. Успех начинаний генерал-адмирала стал возможен благодаря отобранной им целой плеяде молодых, талантливых чиновников-«константиновцев». «Константиновцы», в свою очередь, распространяли новую кадровую политику на все последующие подразделения ВМФ. Некоторые из них, стартовав в Морском министерстве, стали впоследствии видными политическими деятелями в разных сферах управления (как, например, Д. А. Толстой, Д. Н. Набоков, М. Х. Рейтерн и др.). Сам Константин Николаевич после гибели старшего брата — императора Александра II — был отправлен в отставку.

1865-го крейсерский рейд в Средиземноморье. Пугая турок и нервируя англичан, 51-пушечный «Пересвет» около года курсировал под Андреевским флагом в греческом Архипелаге, наблюдал в Порт-Саиде за строительством Суэцкого канала, навестил православных паломников в Яффе и вернулся в родной порт только осенью 1866-го, сдав средиземноморскую вахту 70-пушечному «Генерал-адмиралу». О пережитом тогда Степан Яковлевич любил при случае вспомнить, но главное дело жизни ждало его не на океанских просторах, а на близких к Петербургу балтийских морских рубежах.

Когда «Пересвет» под оркестр и приветствия бросил якорь в Кронштадте, там уже полным ходом формировался отряд мониторов, предназначенных для береговой обороны столицы. Небольшие железные посудины с едва приподнятыми над водой бортами, вращающимися орудийными башнями и стальными коробками рубок вызывали споры и даже насмешки. Их величали «консервными банками», потешались над черепашью ходом и уродливым силуэтом, терявшимся на фоне гордой осанки «настоящих кораблей». Но смех стихал, когда назывались калибры орудий и толщина броневых плит. «Один-другой десяток подобных судов вместе с несколькими броненосными фрегатами и батареями — сила весьма почтенная, которая в ожидании будущего развития флота во всяком случае уменьшит охоту «наших доброжелателей» вмешаться во внутренние, домашние дела России», — рассудительно писали «Кронштадтские вести»¹. Степан Яковлевич оказался в числе горячих поклонников свирепых металлических черепах, и десять следующих лет, забыв о дальних походах, налаживал гигиену и охрану здоровья на судах первой броненосной эскадры Российской Империи. Он обобщал опыт морских учений, анализировал изъяны у матросов-новобранцев, сам мотался по призывным округам, вникая в условия набора, наблюдал развитие недугов во время несения службы, выступал с докладами в Обществе морских врачей, публиковал статьи в медицинских журналах. Взлетел высоко: к сорока годам ходил в надворных советниках (соответствие шестому военному классу капитана 1-го ранга или сухопутного полковника), со Станиславом в петлице и Анной на

¹ «Мониторная программа» была принята Морским министерством в 1863 году, во время польского мятежа, который Англия и Франция планировали использовать как предлог для начала боевых действий против России на Балтике.

груди¹. И, казалось, среди этой клепаной брони, металлических отсеков, тесных башен, чудовищных орудийных жерл и узких железных трапов — он сам постепенно превращался в подобие несокрушимого и неприступного броненосца.

Но что ему оставалось делать? Служба в Кронштадте обернулась вдруг горестным испытанием, отделившим минувшие счастливые годы непроходимым большим обрывом. Там, в прошлой жизни, у Степана Яковлевича была большая любовь. В далеком 1861 году к месту назначения он прибыл с молодой женой, дочерью московского губернского судьи². Северная дождливая Балтика плохо действовала на хрупкую москвичку: дожидаясь обожаемого мужа из очередного плавания, она постоянно хворала, страдала мигренями, простужалась. Сколько-нибудь серьезного беспокойства эти мимолетные хвори не вызывали. Она вообще была мнительна, в ветреные ночи не смыкала глаз, воображая разные опасности на пути своего морехода, а по возвращении радовалась так, словно тот избежал кораблекрушения. Неладное началось в 1869-м, после появления их первеницы Шурочки, когда, вернувшись из летнего похода мониторов вдоль Балтийского побережья, Степан Яковлевич нашел жену вконец измученной родами. В жестоком ознобе, задыхаясь, она слезно умоляла хоть ненадолго свозить ее с малышкой к родным в Москву:

— Там солнышко, зелень, а здесь — одни камни да дождь...

Конечно, об отпуске нечего было и думать! Однако встревоженный Степан Яковлевич немедленно взял в дом сиделку-кормилицу, заподозрив чахотку. Кашель, впрочем, как обычно, скоро улегся. Тем не менее бедную женщину словно подменили. Она вдруг возненавидела Кронштадт, и залив, и крепость, и корабли, чахла, тосковала, плакала и твердила лишь одно:

— Как холодно! А в Москве солнышко...

В Кронштадт прибыли новейшие броненосные лодки «Русалка» и «Чародейка». Это было настоящее чудо — плавучие монстры с двумя 229-мм орудиями в носовой и двумя 381-мм орудиями в кормовой башнях, противоминной артиллерией, двумя паровыми машинами и командой до двух сотен человек. Переведенный во 2-й экипаж Степан Яковлевич вместе с другими энтузиастами из учебного отряда должен был приноровить

¹ Орденский крест Св. Станислава III степени носили в петлице, а крест Св. Анны III степени — на правой стороне груди.

² *Анна Михайловна Гумилева*, урожденная Некрасова (1841–1872).

кошмарные создания к боевым действиям на финском мелководье у береговых крепостей. Ожидаемые результаты поражали воображение. Старший экипажный врач на год позабыл про покой и отдых, заработав в итоге свой первый орден.

А у его жены открылось кровохаркание.

Тут-то он выхлопотал отпуск, конечно. Двухлетнюю Шурочку с кормилицей на время болезни матери отправили к московским родственникам, а супруги срочно выехали в Саратовскую губернию на кумыс, считавшийся тогда панацеей. И, действительно, больная поправилась там, как по волшебству! Осенью она находилась в полном здравии и лишь торопила вернуть дочку. Но занятый на «Чародейке» Степан Яковлевич откладывал поездку, потом ударили морозы, и все было перенесено на весну. Тогда она вновь пригорюнилась и принялась за старое:

— Хорошо в Москве, не то что здесь — голый камень. Я пошла бы теперь погулять с Шурочкой...

В Москву Степан Яковлевич привез весной свинцовый гроб. Малышка так и осталась у деда и двоюродных бабок, а Степан Яковлевич, схоронив жену, вернулся в Кронштадт. Ожесточенный потерей, он совсем забросил опостылевший береговой дом, всецело обернувшись к службе. Покончив с «Чародейкой», морской врач переключился на казематный броненосный фрегат «Князь Пожарский». Все разговоры о «неполноценности» броненосцев давно канули в Лету — Степан Яковлевич победно озирает Большой Кронштадтский рейд с высоты двухтрубного левиафана, которому предстояло нести флаг Империи в океанских просторах¹. Красавец, впрочем, оказался на редкость своенравным и капризным. Вновь в Москву к дочери коллежский советник выбрался лишь через год, да и то мельком, нашел ее «смышленной» и всячески рекомендовал скорее учить чтению и письму. Еще два года миновало. Осенью 1876-го Степан Яковлевич, взяв наконец отпуск, собрался на московскую побывку. Наряженная по случаю свидания семилетняя Шурочка

¹ «Князь Пожарский» стал первым российским броненосцем, вышедшим за пределы Балтики. В 1873–1875 гг. он совершил дальнее плавание в Средиземное море, успешно выдержав во время перехода жестокий шторм. «Пожарский», как некогда «Пересвет», предназначался для крейсерских операций, конкурируя с британскими рангоутными броненосцами. *Левиафан* — гигантское морское чудовище, упоминаемое в книгах Ветхого Завета, фантастический кит или морской змей.

Гумилева бойко читала страницу за страницей и, в заключение, прошебетала стишок. Родитель повел ее в игрушечный магазин и торжественно вручил огромную — в рост разумницы — куклу на колесиках. Волоча за собой деревянную подругу, радостная Шуручка задержалась у книжной лавки, любуясь яркими обложками. Удивленный выбором, Степан Яковлевич провел пальцем по заголовку:

— А ну, прочитай-ка, что тут написано?

Шуручка, неотличимая в своем праздничном платье от куклы, побледнела как полотно, затряслась и разрыдалась. Степан Яковлевич очнулся, наконец. Усадив девочку рядом, он осторожно начал задавать вопросы, а та, всхлипывая, отвечала. Росла она все эти годы, как полевой цветок, без друзей и знакомых сверстников. Добрые московские бабушки, как водится, души не чаяли в «сиротинке», баловали, лелеяли, наряжали, закармливали до отвала, но в светской грамоте и сами были не тверды, а о прочем воспитании даже не помышляли. Соседка из курсисток взялась «давать уроки», бесконечно перечитывая вслух одни и те же сказки — вот Шуручка и затвердила их наизусть, запомнив даже, где надо перевернуть страницу, где восклицание и где вопрос... Степан Яковлевич погрузился в задумчивость. Таким его нашел капранг¹ Лев Львов, старший офицер конкурировавшего с «Пожарским» кронштадтского башенного броненосца «Адмирал Лазарев» и добрый приятель по Морскому собранию. Львов, проводивший с женой лето у своей сестры в родовом тверском поместье, выбрался с обеими женщинами поглядеть на Москву. Представив сестрицу-помещицу, капранг потянул было морского врача осматривать кремлевские красоты, но, заметив, что на том лица нет, осекся и тут же предложил любую помощь в невзгоде.

— Положение мое, — хладнокровно отвечал Степан Яковлевич, — по-видимому, безвыходно. Мне немедленно нужно найти для моей Шуры *новую мать!*

Кратко обрисовав положение, он добавил, что, овдовев, не заводил светских знакомств, не имеет на примете никаких подходящих партий, и ему остается разве что просить наудачу руку у какой-нибудь случайно встреченной доброй и благородной женщины.

— Вообразите, — мрачно заключил Степан Яковлевич, обращаясь к новой знакомой, внимательно слушавшей его испо-

¹ Капранг — капитан 1-го ранга.

ведь вместе с братом и снохой, — что бы ответили, к примеру, Вы, если бы я осмелился обратиться с подобной просьбой?

— Я бы ответила, что... согласна!

Месяц спустя, на апостола Фому, Шурочка Гумилева, впервые попав в срединную Россию, с изумлением смотрела на необъятную холмистую осеннюю равнину, раскинувшуюся на много верст вокруг возвышенного Градницкого погоста. Могучий пятиглавый храм Животворящей Троицы, воздвигнутый над окрестными усадьбами и парками, над деревеньками на отлогих склонах, над убранными полями и золотящимися перелесками, благовестил с ажурного поднебесья колокольни. Облетевшая роща у храма была заполнена народом, глазающим на завершение торжества: светлые домотканые мужицкие рубахи и армяки мешались с цветными платками и вышитыми киками замужних баб, мещанскими и купеческими крашеными чуйками. На паперти, покидая храм, творили крестные знамения помещики в статском, черные золотопогонные балтийцы надевали фуражки, плыли уездные дамы, туалеты которых переливались всеми радужными оттенками. Мелькнула надменная красавица в лиловом полутрауре, за ней — старушка-бонна с двумя нарядными детьми, потом — землистый жандармский офицер и чинная матрона, тянущая за руку румяного карапуза. Маленький, ладный Лев Иванович Львов, держа на полусогнутой руке парадную капитанскую треуголку, развернувшись к надвратной иконе, истово, с поклонами крестился. По толпе зевак прокатился шум, и белоснежный убор новобрачной драгоценным сиянием полыхнул перед соборной площадью.

Двадцатидвухлетняя Анна Ивановна Львова была хороша собой: высокая, с чудесным цветом лица и приятными манерами. Род ее был коренной в здешних местах: ее далекие пращурсы Милоковы владели землями Бежецкого Верха еще при первых московских Романовых¹. Из этих земель и была выде-

¹ Семейные предания упоминают прародителем бежецких Милоковых (и Львовых) некоего *«князя-воеводу Милока»*, о котором доподлинно ничего не известно. Возможно, изначально под легендарным «Милоком» вообще разумелся *Семен Мелик*, воевода Сторожевого полка московской рати на Куликовом поле, один из героев битвы 1380 г., от которого и пошла вся чрезвычайно разветвленная родословная дворян Милоковых. В той же семейной генеалогии есть указание, что «по грамоте царя Федора Алексеевича в 1682 г. Якову Ивановичу Милокову за участие в войне с Турецким султаном и Крымским ханом пожалованы поместья в Новоторжковском и Бежецком уездах», но насколько эта инфор-

лена Слепневская вотчина, превратившаяся в семейное гнездо воинственных и рачительных Львовых, весьма заметных среди уездного дворянства¹. Впрочем, эта ветвь уже пресекалась: оба брата Анны Ивановны оказались бездетны²; она была младшей носительницей славной фамилии³.

Всю жизнь Анна Ивановна провела в русской деревенской провинции среди домашних и крестьян, совершенно не зная,

мация соотносится с непосредственными предками Гумилева со стороны матери — на настоящий момент не установлено. Достоверно известно, что по переписным книгам 1686 г. «сельцо Слепнево» Ивановского стана Бежецкого уезда было записано за **Потаном Васильевичем Милюковым**, а во время переписи 1710 г. Слепневым совместно (тремя долями) владели братья **Алексей Потанович** (40 лет) и **Никифор Потанович** (37 лет) **Милюковы** и их малолетний (2 года) племянник **Федор Андреевич Милюков**. Во второй половине XVIII века владельцем Слепнево был **Иван Федорович Милюков**, согласно семейным преданиям — офицер, участник «сражения под Очаковым» (вероятно, имеется в виду сам штурм крепости 6 декабря 1788 г. после длительной осады во время Второй Турецкой войны 1787–1891 гг.). Его дочь **Анна Ивановна Милюкова** (1772–1842 или 1857 (?)) получила Слепнево в приданое, сочетавшись со старицким помещиком **Львом Васильевичем Львовым** (1764–1824 или 1825), в браке с которым родила сыновей **Константина** (1803–1842) и **Ивана** (1806–1862).

¹ *Л. В. Львов* был выпускником сухопутного шляхетского корпуса, служил под началом Г. А. Потемкина и А. В. Суворова, участвовал в осаде Очакова и в знаменитом штурме Измаила. В отставку он вышел в чине секунд-майора, играл видную роль в общественной жизни Тверской губернии, в 1809–1812 гг. заседал в Бежецком уездном суде. Его сын, лейтенант флота **Иван Львович Львов**, наследовавший в 1842 г. Слепнево, был участником обороны Севастополя 1854–1855 гг. После него поместье перешло вдове **Юлиании Яковлевне Львовой**, урожденной **Викторовой** (1814–1865). У них было пятеро детей — **Яков** (1836–1876), **Лев** (1838–1894), **Варвара** (1839–1921), **Агата** (1840–1897) и **Анна** (1854–1942), которые в разные годы владели поместьем по старшинству или совместно. В 1894–1907 гг. владелицей Слепнева была вдова бездетного Л. И. Львова **Любовь Владимировна** (урожденная Сохатская).

² **Яков Иванович Львов** имел приемную дочь **Евгению**, вышедшую замуж за инженера-путейца **И. И. Македонского** и родившую от него сыновей **Игоря** и **Юрия** и дочерей **Любовь**, **Веру**, **Валентину**, **Галину**. Семейство Македонских посещало Слепнево и дружило со всей сводной родней.

³ В семейной генеалогии Гумилевых непосредственным пращуром Львовых упоминается «**Пимен Львов**», которому были «выданы императрицей Елисаветой Петровной жалованные грамоты в Осташковском уезде». Достоверно известно о прапрадеде Гумилева **Василии Васильевиче Львове** (1730–1800), помещике из села Васильково Старицкого уезда Тверской губернии. Уроженцем Василькова записан его сын *Л. В. Львов*.